

Daniel Bunčić
Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževyč
unter besonderer Berücksichtigung der Lexik seines Gesprächsbuchs
Rozmova/Besěda

Mit Wörterverzeichnis und Indizes zu seinem ruthenischen und kirchenslavischen Gesamtwerk
München: Otto Sagner 2006 (= *Slavistische Beiträge*, ред. Peter Rehder, т. 447)
592 стр., ISBN 3-87690-932-5

«ПРОСТАЯ МОВА» У ИВАНА УЖЕВИЧА (РЕЗЮМЕ)

1. Введение. Как показал Г. Кайперт¹, «Розмова · Бесѣда», двуязычный разговорник Французской национальной библиотеки (Slav № 7), долгое время считавшийся анонимным и изданный в 2005 г.,² является автографом Ивана Ужевича, автора первой восточнославянской грамматики (1643/1645).

2. Статус простой мовы. Левый столбец этой рукописи, озаглавленный «Popularis» («народный [язык]»), демонстрирует не случайный — «народный» — диалект автора, а литературный язык всех восточных славян, живущих в Польско-Литовском государстве. В работе доказывается, что единая восточнославянская письменность распалась не сразу на три части (русскую, украинскую и белорусскую), а сначала все-таки на две части (русскую и «рутенскую»): старорусский язык текстов, написанных в Московии, примерно с конца XIV века заметно отличается от языка текстов Великого княжества литовского, а у предков белорусов и украинцев в средний период их истории был единый язык, в значительной мере обладавший многими критериями, выдвинутыми в XX в. для определения стандартного языка. При описании этого языка в западной филологической традиции принято пользоваться термином «рутенский» (нем. *ruthenisch*, англ. *Ruthenian*, фр. *ruthène*), в русскоязычной — *простая мова*. Новые, национальные, языки — белорусский и украинский — были образованы на основе народных диалектов только после того, как вышла из употребления простая мова (т. е. окончательно к концу XVIII в.), в период романтизма.

3. Иван Ужевич и его разговорник. Перед лингвистическим анализом текстов Ивана Ужевича рассматривается его биография и высказываются предложения об истории возникновения его разговорника и процесса работы над ним.

¹ Helmut Keipert. „Rozmova/Besěda: Das Gesprächsbuch Slav. № 7 der Bibliothèque nationale de France“. *Zeitschrift für Slavische Philologie* 60.1 (2001), стр. 9–40.

² *Rozmova · Besěda. Das ruthenische und kirchenslavische Berlaumont-Gesprächsbuch des Ivan Uževyč*. Mit lateinischem und polnischem Paralleltext herausgegeben von Daniel Bunčić und Helmut Keipert. München 2005 (= *Sagners slavistische Sammlung*, ред. Peter Rehder, т. 29).

Приводятся дополнительные аргументы в пользу того, что Ужевич был автором сохранившейся в двух редакциях «Грамматыки словенской», разговорника «Розмова · Бесѣда» и польскоязычного панегирика «Образ spoty u sławy» 1641 г., текст которого приводится в приложении. Однако нет оснований приписывать Ужевичу простомовно-церковнославянский словарь «Синоніма славеноросская», как это делает А. А. Яскевич.³

Затрагивается также проблема вероисповедания Ужевича — вопрос, на который в настоящее время достаточно сложно дать однозначный ответ: возможно, он был василиянином, но нельзя также исключать и его принадлежности к римскому католицизму.

«Розмова · Бесѣда» является переводом первой части знаменитого разговорника антверпенского учителя Ноэля де Берлемонта, который с XVI по XIX в. был издан более чем 150 раз. Ужевич переводил с латинского столбца восьмизычного издания «Colloquia et dictionarium octo linguarum», напечатанного в Гааге и Дельфте в 1613 г. Польскую версию этого текста по варшавскому изданию 1646 г. он не знал. Что касается времени работы Ужевича над переводом разговорника, вероятнее всего, он занялся им уже после составления второй редакции своей грамматики (т. е. не ранее 1645 г.). Следует также особенно отметить, что разговорник предназначался не соотечественникам Ужевича, а образованным западноевропейским (прежде всего, французским) читателям. Было ли целью «Розмовы» изучение простой мовы, например, католическими миссионерами, — остается неясным.

4. Церковнославянский язык «Бесѣды». При этом в первую очередь вызывает вопрос практическое значение перевода западноевропейского бытового текста на церковнославянский язык (в правом столбце рукописи). Наверное, следует исходить из того, что Ужевич воспринимал простую мову («lingua popularis») и церковнославянский язык («lingua sacra») как разновидности одного и того же языка, который в своей грамматике он называет «lingua sclavonica» («славянский язык»). При этом на графико-фонетическом уровне церковнославянская версия разговорника несколько не отличается от версии на простой мове. На уровне морфологии и синтаксиса заметны некоторые приемы славянизации текста: Например, формы прошедшего времени на -л заменяются аорис-том, при чем даже там, где правила старославянского языка требовали бы имперфекта, и при образовании «оптатива» с помощью частицы *бы* (напр. «*аще бы хот-хотѣхъ*»). Наблюдаются всякие приемы «осложнения» языковой структуры: простомовное «йти» заменяется на «*попѣшествовати*», «вѣдай» на «*вѣдомо да вѣдѣ*

³ Алена Аляксандраўна Яскевіч. „Спадчына Івана Ужэвіча і славянскія літаратуры“. *Славістыка* 3 (Београд 1999), стр. 249–254, здесь: стр. 253; она же, *Падзвіжнікі і іх святыні. Духойная культура старажытнай Беларусі*. Мінск 2001, стр. 212.

ти», «сохотне бымѣ пришлоѣ» на «благоволеніє прїти имѣль къ» и т. д. Некоторые лексические церковнославянизмы семантически не соответствуют оригиналу: так, к трактирщику обращаются «господи мой», обыкновенный гонец называется «д. постоломъ», сосед за столом — «ближний», а наставление сыну стараться всегда жить благонаравно гласит: «приложи прино свѣто жити». Подобным образом, церковнославянские соответствия простомовных обращений в письмах использовались на самом деле только в молитвах. Из всего этого следует, что церковнославянский язык не был лишь «оболочкой» для любого содержания, а наоборот, чтобы перевести бытовой текст на церковнославянский язык, Ужевич был вынужден интерпретировать каждое предложение так, будто бы он заимствовал его из одного из текстов церковного круга (напр. из притчей Иисуса).

5. Простомовная грамматика «Розмовы». Фонетико-грамматическое описание языка Ужевича на основе его разговорника не было целью данной монографии (этому посвящена диссертация А. В. Антонив [Львов]). Однако, поскольку разные лингвисты, исследовавшие язык «Грамматъки» и «Розмовы», пришли к разным результатам, было необходимо сделать обзор хотя бы самых важных признаков языка Ужевича. Большинство исследователей допускают логические ошибки: на основании написания буквы ⟨ы⟩ после шипящих утверждается, что в родном диалекте Ужевича якобы совпадали *i и *y, или исходя из путаницы букв ⟨ѣ⟩, ⟨и⟩ и ⟨е⟩ в безударной позиции (иканье), делаются выводы, что *ě он произносил как [i]. Надо заметить, что буквы вообще часто трактуются слишком уж буквально: из написания ⟨ца⟩ в простомовном тексте нельзя заключить, что ц непалатализованное, также как и в современном русском языке пишется ⟨ча⟩, хотя ч — палатализовано.

Определить, откуда Ужевич родом, оказалось гораздо сложнее, чем это до сих пор предполагалось. Вероятнее всего, его родной диалект отличался e-образным (возможно и дифтонгичным) произношением *ě и иканьем, так что есть основания полагать, что Ужевич происходил из центрально-западного Полесья, но непонятно, из какой области — расположенной севернее или южнее от еще не существовавшей тогда украинско-белорусской границы.

Если обращать внимание на *норму*, согласно которой Ужевич старался писать, а не на ошибки, в которых он выдавал свое происхождение, то оказывается, что эта норма была сознательно толерантна к региональным вариантам, при чем в качестве «компромиссных» почти всегда допускались полонизмы (хотя и не без правил, регулирующих их заимствование): Ужевич употребляет *што*, *що* и *цо*; *одинъ*, *единъ* и *еденъ*; *будемъ* и *будемо*. А если сравнить особенности его языка с языком Скорины, Смотрицкого и Вишенского, станет очевидным, что представления всех этих авторов о норме простой мовы были почти одинаковы, хотя в отклонениях от этой нормы у них всех заметна интерференция родных говоров. Таким образом, следует подчеркнуть, что простая мова была литературным

языком, который допускал вариации, однако его региональные разновидности нельзя соотносить с современными украинским и белорусским языками.

6. Простомовная лексика «Розмовы». Главной целью работы является выявление лексических и словообразовательных средств, которые Ужевич использовал при переводе разговорника, и их соотношения с польским языком, представленным, в том числе, в параллельном, не известном Ужевичу польском переводе этого же текста. В связи с этим сначала проводится пословный анализ небольшого отрывка текста. Затем рассматриваются различные лексико-семантические поля, в которых особенно четко выступают реалии западноевропейского быта, которые могли вызвать проблемы при переводе: монеты, текстильные товары, постройки, религиозная лексика, названия месяцев, антропонимы и топонимы. (Для обзора лексики текстов Ужевича в целом в приложении приводится маленький словарь.)

Выявляются, с одной стороны, изумительные параллели — вплоть до семантических и прагматических — между простомовным и польским переводами: так, оба переводчика используют слово *фунтъ*/*funt* (денежная единица) в разговорных контекстах, а слово *либра*/*libra* (то же) в книжных; для обоих прототипом слова *сукно*/*sukno* является шерстяная ткань и т. д. При переводе неизвестных славянам реалий они используют одинаковые правила словообразования (напр. переводят название улицы «platea Cameria» один раз как «улица Коморна»/«komorna ulica», а другой раз как «камерская улица»/«Camerijska ulica»; не встречается суффиксация *-sk-* со старым корнем *komor-* или *-n-* с новым *kamer-*).

С другой стороны, есть много признаков, свидетельствующих о самостоятельном характере простой мовы. Кроме употребления нескольких восточнославянских слов (напр. *теперъ* наряду с *теразъ*, *хвостъ* наряду с *окгонъ*, *сорокъ* наряду с *чтыридесятъ*), выступают и такие самостоятельные семантические образования, как выбор слова *грошъ*, а не *пенязъ*, для обобщенной денотации денег: *гроши* (но ср. *pieniądze*). Однако нельзя переносить нынешнее состояние словарного состава украинского и белорусского языков на простую мову. Так, например, для Ужевича вопросительная частица *чы* еще не входила в состав простомовной лексики; вместо нее он последовательно употреблял *ли*, которое сегодня может квалифицироваться как русизм. А для обозначения следующего дня, наоборот, он писал исключительно *ютро*, что теперь воспринимается как полонизм, тогда как *завѣтра* (укр. *завтра*, блр. *заўтра*) встречается у Ужевича только в церковнославянском столбце разговорника.

7. Выводы. На примере языка Ивана Ужевича, произведения которого по лингвистическим признакам не поддаются однозначной локализации или в Украине, или в Беларуси, проведенное исследование показывает, что вообще книжников, писавших на простой мове, следует изучать не в рамках национальной (а потому анахроничной) филологии — украинистики или белорусистики —, а с более широких позиций «рутенистики».